

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

А.В. Луценко

Дальневосточный федеральный университет, 690900, Приморский край, гор. Владивосток, о. Русский, пос.Аякс, кор. 10, каб. 732

В статье рассматривается ситуация и практика межкультурного взаимодействия в интерпретации современного западноевропейского неоязычества. Основное внимание уделяется рассмотрению неоязычеством межкультурной коммуникации исходя из концепции «крови и почвы» как сакральных метафизических ценностей. Проводятся аналогии с иными идейными системами, рассматривавшими межкультурное взаимодействие исходя из онтологических данностей. Анализируются особенности неоязыческой критики концепций мультикультурализма и межкультурной интеграции.

На основании фактических данных делается вывод о том, что концепции межкультурного взаимодействия в рамках неоязычества присущи глубокие имманентные противоречия. Наиболее явное противоречие обозначается как антиномия между стремлением к отказу от межкультурного диалога и культурной изоляции и неизбежной радикализацией неоязыческой риторики по рассматриваемой проблеме. Фактически европейское неоязычество оказывается заложником противоречия, порожденного внутренней логикой его идейной системы. Попытка совместить изоляционизм и активную социальную позицию, характерную для идеологии европейского неоязычества, логично оборачивается радикализацией риторики, в рамках которой неоязычеством осмысливается проблема межкультурных связей и коммуникаций.

Главной задачей, поставленной и решаемой в рамках статьи, является выяснение всех факторов, послуживших формированию определенного отношения современного европейского неоязычества к проблеме межкультурной коммуникации. К основным выводам статьи относятся следующее утверждение: неоязыческая трактовка межкультурного взаимодействия может рассматриваться как попытка архаической и традиционалистской идеологии соответствовать вызовам, присущим европейской современности. Кроме того, понимая культуру как часть природного бытия, неоязычество, по сути, отказывается признать социокультурную сферу автономной и самодостаточной частью национального и индивидуального существования.

Ключевые слова. Неоязычество, этика, толерантность, гуманизм, архаизация, новая архаика, диалог культур, мультикультурализм, идеология, коммуникация.

Проблема коммуникации и контактов различного уровня между культурами, как находящимися в рамках единого политического образования, так и независимых друг от друга, необходимо включает в себя проблему соотношения аксиологических моделей, выработанных каждой из контактирующих культур [1, с.8], [2, с.16], [3, с.196]. На социокультурном пространстве современной Западной Европы один из наиболее радикальных методов межкультурной коммуникации предлагает неоязыческая идеология. Радикальность этого метода объясняется использованием примитивных оппозиций: «свой-чужой», «жизненное пространство родного народа – жизненное пространство иных», «народ, имеющий почву – маргинальные субкультуры, почвы не имеющие» и т.д.

При этом неоязыческая идеология стремится к объяснению весьма сложных системных проблем межкультурного взаимодействия именно в парадигме «простых решений», изначально полагающей всякую сложность в подобного рода вопросах искусственно навязанной, надуманной и «недобросовестно привнесенной». Именно «чёрно-белое» понимание проблем межкультурного взаимодействия идеологами западно-европейской «новой архаики» в корне отличает неоязыческий подход к феноменам общества, культуры и социокультурных процессов.

Работы А. де Бенуа, одного из ведущих неоязыческих идеологов, дают наиболее наглядное представление о подходе «новой архаики» к определению культуры и её функций [4, р. 18-45]. В рамках неоязыческого дискурса дихотомия «природа-культура» представляет собой кардинальное, но исправимое «повреждение» истинной природы человека. Человек в своем истинном бытии неотделим от сакрализованной природы и тех сил, которые неоязыческий культ персонифицирует в виде богов и духов своего пантеона. «Новая архаика» настаивает на естественном или природном характере политеизма как системы ве-

рований, в которой человек поклоняется не трансцендентному божеству, страшному именно своей непонятностью и непознаваемостью, а, в сущности, персонифицирует в образах богов и демонов необходимые ему самому космические и природные процессы. А. де Бенуа полагает, что «природная» религия порождает столь же «природную» культуру, причем понятие культуры в данном случае лишено «конфликтной» коннотации в качестве оппозиции природной бытийной данности [5, р.96]. Изначальная идеальная культура в неоязыческой трактовке не противостояла природе, а дополняла её, то есть была, по сути, продолжением все тех же космических ритмов мироздания в деятельности человека.

Природа при этом понимается новой архаикой как «совокупность живых и действующих сил, часть которых воспринимается нами как природные законы, а другая может быть условно названа сверхъестественными силами, если под сверхъестественным понимать не что-то, выходящее за рамки существующего миропорядка, а силы, являющиеся частью этого миропорядка» [6, р.72], проявляющие себя «сверхсознательным и сверхчувственным образом». Существенным признаком такой естественной культуры было единство породивших её «крови и почвы», то есть этнической и территориальной монолитности культурообразующей общности. Именно это условие «единства принадлежности к своей силе, своему роду, своей земле» лежит в основе определенной идеализации племенных культур и сообществ дохристианской Европы, к которой стремится западноевропейская архаика.

Неоязыческие идеологи часто обращаются к мифологическому образно-символическому ряду для того, чтобы проиллюстрировать собственные концепции и утверждения. В случае с определением степени значимости единства «крови и почвы» для развития национальных культур ими используется древнегреческий миф об Антее. Человек, по мнению неоязыческих идеологов, полноценно существует лишь в рамках

собственного «этноприродного организма, неотъемлемой частью которого он и должен оставаться в естественных условиях» [7, p.102]. Подобно Антею, погибшему в тот момент, когда он оторвался от земли, дававшей ему силы, личность гибнет в отрыве от «корневых», то есть природных условий собственного существования.

Проблема заключается в том, что европейская современность, с точки зрения «новой архаики», всячески подчёркивает, что культура означает как можно более полный разрыв с любыми природными имманентностями родового и индивидуального бытия человека. Тем самым возникает искусственный конфликт природного и культурного, в котором человеку внушается, что имманентные составляющие его жизни не имеют ни цены, ни какого-либо значения, и задача человека, интегрированного в современную культуру, заключается в скорейшем избавлении от них. Неоязычество связывает подобный подход с исторической традицией нивелирования этнокультурных различий, берущей начало в политической, правовой и социальной практике Римской империи.

При этом идеологи «новой архаики» подчёркивают, что именно насильственная замена природной идентичности на «выдуманный и нежизнеспособный» концепт римского гражданства [7, p.49] способствовала крушению империи. В рамках такой трактовки данного исторического события, племена, атаковавшие Римскую империю извне, были «обречены на победу» уже потому, что сохраняли глубочайшую связь культурного и природного начал, определяющую в конечном итоге существование любого полноценного этноса. В то же время «римское гражданство» создало ситуацию своеобразной космополитической расслабленности, при которой римские граждане, бывшие когда-то галлами, фракийцами, британцами и т.д., утратили те жизненно важные интересы, отстаивание которых и обеспечивает существование любого народа или племени. Очевидно, что данный пример из «римской

истории» важен для неоязыческой идеологии как своеобразная иллюстративная реминисценция, призванная напомнить западноевропейскому социуму о социокультурных проблемах «дня сегодняшнего» [10, p.11].

Симптомы кризиса культуры и межкультурных коммуникаций неоязыческая идеология видит в «универсалистских амбициях», разрушающих этническое единство и на их место ставящих единство политическое. Не случайно важнейшим фактором возвращения к имманентной связи культуры и природы «новая архаика» называет борьбу с «имперским культурным сознанием». Важнейшими признаками такого сознания объявляются тенденции к выходу за рамки «крови и почвы» и иных природных данностей, неоправданное распыление ресурсов собственного этноса на интеграцию и неравноправное взаимодействие с иными этническими образованиями.

В этом случае вся колониальная история европейских держав, естественно, представляется сторонникам «новой архаики» цепью фатальных ошибок. Дело в том, что в любой идеологии и практике колониализма заложен, с точки зрения неоязычников, крайне важный системный порок, определяющий в конечном счёте кризис и распад любой колониальной империи. Начинаясь с политики неравноправного обмена, военного завоевания и грабежа ресурсов колонизуемых территорий, политический курс всех колониальных империй затем всё больше эволюционировал в идеологию «бремени белого человека», которая уже предполагает долг колонизатора перед меньшими, слабыми, неразвитыми народами.

Неоязыческие идеологи указывают на «вопиющий парадокс колониализма: у колонизатора в конце концов появляется всё больше обязанностей по отношению к колонизируемому, а последние, отнюдь не лишённые верного этнокультурного самосознания, привыкают смотреть на колонизаторов как на докучных, но до поры полезных глупцов [8, p.74]. Этих

глупцов можно терпеть, пока они кормят колонию, однако туземцы, как это ни парадоксально, всегда ощущают себя сильнее своих цивилизаторов, поскольку в тех нет единственно полезного чувства этнокультурной самодостаточности, которая имеется у самого последнего аборигена» [9, р.36]. Таким образом, строительство любой колониальной империи неизбежно оканчивалось победой туземной архаики, причём особенно важным неоязыческая идеология считает тот факт, что подавляющее большинство колоний европейских государств довольно быстро становилось экономически убыточными для своих метрополий.

Следовательно, колониальное прошлое, которое имели все значительные европейские государства, было, с неоязыческой точки зрения, примером ущербной и искаженной, односторонней межкультурной коммуникации. Главную вину за эту катастрофу «новая архаика» возлагает на христианство, которое внушило европейцам абсолютно неоправданный мессианизм и универсализм, погубив при этом их собственные национальные и этнические инстинкты. В данном случае критика колониального прошлого Европы оказывается тем более актуальной, что многие проблемы западноевропейской повседневности, связанные с межкультурной коммуникацией и интеграцией, берут начало именно из этого прошлого. Например, многие неоязыческие общины Великобритании, начиная с конца 70-х гг. XX в., используют весьма радикальную риторику против «наводнения» английской метрополии «осколками колониального прошлого». Под последними они, очевидно, имеют в виду выходцев из бывших колоний британской короны, активно осваивающих британские и ирландские городские агломерации [10, р.81]. Именно такая риторика даёт основания некоторым европейским религиоведам и социологам называть неоязычество экстремистским и даже неонацистским движением.

Идеология «новой архаики» достаточно чётко выражает своё представление об идеальных формах межкультурного

взаимодействия. Поскольку культура, как и этнос, является частью природно-космического целого, образцовый диалог двух культур в неоязыческой трактовке – это диалог двух равных по «здоровому этническому эгоизму» и инстинктивно уважающих чужие национальные границы народов. Такой диалог возможен в форме достаточно поверхностного взаимодействия в экономической или политической сфере, но он никогда не вторгается в сакрализованное неоязычеством пространство «крови и почвы», то есть не претендует на межкультурную интеграцию и мультикультурное сосуществование этносов и субэтносов на одной территории. Само понятие межкультурной интеграции лишается смысла в рамках неоязыческого дискурса. Тем самым, межкультурное взаимодействие в современной Западной Европе обречено, по мнению неоязычников, разрешаться одной из двух кризисных ситуаций:

– на вариант с маргинализацией «мигрантского сознания» делают особый акцент те идеологи «новой архаики», которые стараются популяризировать неоязычество с помощью злободневной политизированной риторики, балансирующей на грани радикализма и экстремизма. Принципиальный отказ представителей иных «кровно-почвенных» общностей интегрироваться во всеевропейскую систему социокультурных ценностей они объясняют как раз «феноменом Антея». С их точки зрения, мигрант, вырванный из органически присущей ему среды, в иных культурных условиях теряет свои прежние духовно-нравственные ценности, но не приобретает новых. П. Шоссар говорит о деструктивных маргинальных субкультурах, в которые, якобы, угрожают переродиться многие мигрантские общины в Западной Европе [8, р.32]. В этом случае картина, рисуемая неоязыческой риторикой, оказывается таковой: пока европейцам успешно прививают комплекс вины за прежнее высокомерие в отношении народов третьего мира и эксцесов колонизации, мигрантам внушается иллюзорное представление о Европе как

о своеобразном «земном рае», само пребывание в котором, безо всяких личных усилий, даёт человеку любые жизненные блага. Неоязычники настаивают на том, что не используют по отношению к мигрантам расистской и даже ксенофобской риторики, поскольку, в отличие от «искусственной по своей сути расистской идеологии, понятие чужака, оторванного от собственной крови и почвы, является данностью и не оскорбительно по существу» [9, p.105].

Критикуя таким образом политику межкультурной интеграции, неоязыческая идеология еще более негативно относится к теории и практике мультикультурализма. По сути, особых различий между интеграцией и мультикультурным сосуществованием «новая архаика» не признает, поскольку и то, и другое для неё лишь порождение глубочайшего кризиса европейской национальной идентичности, вызванного глобализацией и постепенным нивелированием границ национальных государств. В этом неоязычество тесно смыкается с националистическими движениями в ряде европейских стран, часто консолидируясь с этими движениями и поддерживая их как социальную и политическую силу. Примеры такой консолидации можно отметить, например, в Финляндии и Венгрии. Неоязычников, как и националистов, не устраивают ни программы интеграции мигрантов в европейскую социокультурную общность, ни созданные в рамках политики мультикультурализма «мигрантские гетто».

Характерно, что зачастую националистическая «антимигрантская» риторика представляется гораздо более умеренной, чем неоязыческая. Это связано с тем, что многие националистические европейские партии видят во внутри-европейском кризисе межкультурного общения лишь социально-политическую подоплёку, тогда как «новая архаика» настаивает на том, что этот кризис имеет онтологические корни. Межкультурное взаимодействие в рамках неоязыческой идеологии может быть только внешним, отстранённым и спорадическим общени-

ем абсолютно самоценных и автономных этнических общностей, каждая из которых не претендует на чужое «кровно-почвенное» пространство, но при этом пресекает и все подобные претензии со стороны «чужаков».

В этой картине мира интересен подход «новой архаики» к исторической эволюции европейских социальных и государственных институтов. Неоязыческий дискурс отвергает общепринятую эволюционную схему, в которой идея европейского государства, начавшись с римского условного и неосознанного единства, проходит через своё отрицание в виде становления национальных государств и завершается синтезом в виде нового единства Евросоюза [7, p. 65]. Он предполагает, что опыт Римской империи и государств Нового времени может быть признан только подготовкой к появлению форм «истинно национально-го» государственного устройства.

«Новая архаика» объявляет порочными как практику «имперского» межкультурного взаимодействия, так и понятие «титულიной нации», свойственной большинству многонациональных государств европейского Нового времени. Путь к настоящему возрождению единства природы и культуры лежит в возрождении этнического самосознания во всех больших и малых западноевропейских этносах. На этом основании неоязыческий идеолог Р. Повель рассматривает, например, исторический опыт мультикультурной Австро-Венгрии как тотальную неудачу [5, p.77]. Последняя была обусловлена невозможностью сосуществования «множества автономных этнических волей под формализованной и выморочной эгидой безличного наднационального государства» [5, p.80]. При подобном отношении к институту государства, естественно, любая его разновидность, обладающая признаками экстерриториальности, тут же отвергается «новой архаикой» как нежизнеспособная.

Взаимодействие различных этнических культур внутри единого политического поля основывается, исходя из этой логики, на лишённых внутреннего содер-

жания концептах гражданства и правовой субъектности. Поскольку неоязычество считает ценной частью культуры только то, что идет от её «кровно-почвенных» корней, феномен права выступает только как оформление имманентно присущего общности этнокультурного единства. Слабость традиционного европейского понимания культуры неоязычество видит в том, что само понятие культуры наделено чуждым ему «юридическим» смыслом. Культура в такой интерпретации якобы воспринимается в отрыве от собственных природных корней. Она предстаёт как автономная единица, непостижимым образом не зависящая ни от чего, кроме набора условностей, какowymi в рамках неоязыческого дискурса являются этические и социальные теории происхождения культуры.

В целом, неоязыческая идеология, сводя комплексную проблему межкультурного взаимодействия к конфликту имманентных этнических инстинктов, парадоксальным образом коррелирует с марксистской теорией о сущности культуры. Согласно марксистам, культура является лишь надстройкой над определяющим её экономическим базисом, и не может рассматриваться в отрыве от последнего. Тем самым, межкультурное

взаимодействие даже не предполагается, поскольку реально осуществляется только взаимодействие социальных классов. «Новая архаика» также не признает культурную «надстройку» вне природного «базиса», всячески подчёркивая зависимость всех социокультурных процессов от обусловленного великими силами природы этнического бытия.

В этом случае, как и в марксистской идеологии, имеет место сведение всего многообразия социокультурного существования личности и общества к единому, ни от чего в отдельности не зависящему источнику. Как в догматическом марксизме, так и в современной западно-европейской неоязыческой идеологии этот единый источник понимается как вполне иррациональный, то есть влияющий на реальность вопреки противоречащим идеологической догме очевидностям. Если для марксизма конечная иррациональность постулатов о классовой сущности культуры и межкультурного диалога представляла «нечаянное» и нежелательное искажение первоначальных тезисов, то для неоязычества такое доверие к иррациональному вполне органично, как для всякой неоархаической идеологии.

Список литературы:

1. Агальцов А.Н. Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2010. 133 с.
2. Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества: дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2000. 164 с.
3. Глаголев В.С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Фундаментальные проблемы культурологии / под ред. Д.Л. Спивак. СПб, 2008. С. 5-15.
4. Силантьева М.В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т.2. С.14-17.
5. Силантьева М.В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 2. 196-206.
6. Benoist A. Neopaganist social beliefs. L., 2009. 217 p.
7. Benoist A. Degradation of Ordinary European in the World of Christian Relics. L., 1997. 111 p.
8. Benoist A. Problem of one illusion. Toronto, 1999. 200 p.
9. Pauvail R. Clash of myths and traditions: main European ordeal of today. Toronto, 2007. 300 p.
10. Pauvail, Rene. Neopolytheism and globalization. Paris, 2008. 482 p.
11. Shossard P. Modern Polytheist View on Multicultural Europe. P., 2012. 313 p.

12. Stairnes W. Neopolytheist Cult and its Future. L., 2008. 605 p.

Об авторе:

Луценко Антон Владимирович – к.филос.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета, 690900, Приморский край, гор. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кор. 10, каб. 732. Специализация: философия религии, философия культуры.
E-mail: AVL2009@yandex.ru.

THE PROBLEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN WEST EUROPEAN NEOPOLYTHEIST IDEOLOGY

A.V. Lutsenko

Far Eastern Federal University, Russian Federation, 60900, Primorsky region, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, build. 10, of. 732.

Abstract. *In the article the situation and practice of cross-cultural interaction interpreted by modern Western European Neopaganism is considered. The main attention is paid to Neopaganism's consideration of cross-cultural communication proceeding from the "blood and soils" concept as sacral metaphysical values. Analogies to other ideological systems considering cross-cultural interaction proceeding from ontologic realities are drawn. Peculiar features of Neopagan criticism of multiculturalism concepts and cross-cultural integration are analyzed. In fact, European neo-paganism is a hostage of the contradictions generated by the internal logic of its ideological system. An attempt to combine isolationism with an active social position, typical of the ideology of European neo-paganism, logically gives rise to radicalization of rhetoric, in which the problem of intercultural relations and communications is interpreted by neo-paganism.*

The main task set and solved in the framework of the article is to find out all the factors contributing to the formation of a certain attitude of modern European neo-paganism to the problem of cross-cultural communication. The summarizing conclusion of the article is: neo-pagan interpretation of intercultural interaction can be treated as an attempt of archaic and traditionalist ideology to meet the challenges of European modernity. In addition, understanding the culture as a natural part of life, neo-paganism in fact refuses to recognize the socio-cultural sphere as an autonomous and self-contained part of the national and individual existence.

Key words. *neopaganism, ethics, tolerance, humanity, archaization, new antiquity, intercultural dialogue, multiculturalism, ideology, communication.*

References:

1. Agal'tsov A.N. Rossiiskoe neoiazychestvo kak religiozno-nravstvennyi fenomen: dis. kand. fil. nauk [Russian neo-paganism as a religious-moral phenomenon: dis. kand. philosophy sciences]. Tula, 2010. 133 p. (In Russian).
2. Gaidukov A.V. Ideologiya i praktika slavianskogo neoiazychestva: dis. kand. fil. nauk [The ideology and practice of the Slavic neo-paganism: dis. kand. philosophy sciences]. Saint-Peterburg, 2000. 164 p. (In Russian).
3. Glagolev V.S. Kul'turologicheskie aspekty khudozhestvenno-esteticheskoi problematiki v sovremenom religiovedenii [Cultural aspects of art and aesthetic issues in contemporary religious studies]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Fundamental problems of cultural studies] / pod red. D.L. Spivak. Saint-Peterburg, 2008. pp. 5-15 (In Russian).
4. Silant'eva M.V. Mezhkul'turnyi dialog – osnova plodotvornogo vzaimodeistviia v sisteme mezhdunarodnogo partnerstva [Intercultural dialogue is the basis of fruitful cooperation in the international

- partnership] *Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaia kommunikativistika - Research and development. Modern communication studies*, 2013, T.2, pp. 14-17 (In Russian)
5. Silant'eva M.V. Tsennostnyi potentsial khristianstva pered teoreticheskimi vyzovami sovremennosti [Value potential of Christianity to theoretical challenges of our time]. // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii - Herald of the Russian Christian humanitarian Academy*, 2009, T. 10, no. 2, pp. 196-206 (In Russian).
 6. Benois A. Neopaganist social beleifs. London, 2009. 217 p.
 7. Benois A. Degradation of Ordinary European in the World of Christian Relicts. London, 1997. 111 p.
 8. Benois A. Problem of one illusion. Toronto, 1999. 200 p.
 9. Pauvail R. Clash of myths and traditions: main European ordeal of today. Toronto, 2007. 300 p.
 10. Pauvail, Rene. Neopolytheism and globalization. Paris, 2008. 482 p.
 11. Shossard P. Modern Polytheist View on Multicultural Europe. Paris., 2012. 313 p.
 12. Stairnes W. Neopolytheist Cult and its Future. London, 2008. 605 p.

About the Author:

Anton V. Lutsenko – Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor in Department of Philosophy, Far Eastern Federal University, Russian Federation, 60900, Primorsky region, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, build. 10, of. 732. Specialization: Philosophy of Religion, Philosophy of Culture. E-mail: AVL2009@yandex.ru.